
Ремарка, или Смерть в третьем акте
Уютный детектив
Пьеса
«Двадцать пятая глава»
Акт I ✓
Акт II ✓
Акт III ?
Старореченский драматический театр
Премьера
Ряд 1, место 2
Серия «Красный карандаш»
книга 25

Милана Панова

Ремарка или Смерть в третьем акте

https://litres.ru/74827818
SelfPub; 2026

Аннотация

Корректору Нине Платоновой-Громовой присылают гранки её собственной жизни. На последней странице написано: «У вас шесть дней. Потом я допишу сам». К гранкам приложены два билета на премьеру в старинный театр маленького города. Там по её книгам поставили пьесу, где Нину играет лучшая актриса труппы. Пьеса дописана только до второго акта, третий «напишет жизнь». Через несколько дней на генеральной репетиции актриса уходит в темноту и падает в открытый люк. В суфлёрской книге одна страница отличается от остальных ровно на одну строку, а в театре она стоит жизни. Нине предстоит найти, чьей рукой переставлены две цифры, и дописать третий акт. Читать можно отдельно от предыдущих частей.

Милана Панова
Ремарка или Смерть в третьем акте

Ремарка, или Смерть в третьем акте
Серия «Красный карандаш», книга 25

Глава 1. Шесть дней

Если вам когда-нибудь пришлют корректуру собственной жизни, не читайте её ночью. Я это знаю теперь твёрдо. Но тогда, в кабинете Маргариты Викторовны Дымовой, держа в руках триста восемьдесят один лист гранок, на последнем из которых красным карандашом было написано «У вас шесть дней», я рассуждала иначе. Я рассуждала так: если это моя жизнь, то кто-то должен её вычитать. И лучше я, чем он.

«Он» — это человек, которого мы с мужем называем «Тот, кто купил билеты». Он присылает мне открытки, написанные почерком давно умершего издателя, и приглашает в места, где кого-нибудь обязательно убивают. Я не знаю его имени, и у меня нет причин считать, что он человек. Знаю только, что он любит корректоров, ненавидит ошибки и очень внимателен к деталям.

— Вы это понесёте домой? — спросила Дымова.

— Да.

— Одна?

— С мужем.

— И с котом, — добавила она.

— Кот уже на подоконнике. Он тоже будет читать.

Эклер, чёрный с белой манишкой, сидел на её подоконнике, как памятник самому себе, и щурился на гранки с профессиональным недоверием.

Дома, на кухне, я разложила листы на столе. Андрей, мой муж и капитан полиции, поставил чайник, нарезал бутерброды и расставил по углам стола кружки, чтобы гранки не сворачивались. Мы начали с первой страницы и читали, пока за окном не стемнело, а потом дальше, пока не посветлело.

Это было страшно. Не потому, что в книге описывалось что-то невозможное, а потому, что всё в ней было возможным. Там была я, тридцати с чем-то лет, с красным карандашом в руке, и мои первые дела: лишняя запятая в типографии, лишняя страница в чужой рукописи, точка с запятой, которая убивает. Там был Андрей, который пьёт кофе стоя. Там был кот, которого автор называл «невозмутимым свидетелем истории». Всё до мелочей. До того, что я краснею, когда лгу, и что на левой щиколотке у меня родинка в форме запятой.

— Откуда он знает про родинку? — спросил Андрей.

— Я думаю, он знает всё.

— Нина.

— Я знаю, что это звучит как фраза из плохого романа.

— Это звучит как фраза из хорошего. Просто не про нас.

Мы дочитали на рассвете. Двадцать четвёртая глава закончилась на странице триста восьмидесятой. Страница триста восемьдесят первая, как нам уже было известно, была пустой, если не считать записки: «Здесь должна быть двадцать пятая. Её пишете вы. У вас шесть дней. Потом я допишу сам».

— Допишу сам, — повторил Андрей. — Он угрожает.

— Он предлагает договор.

— Какой?

— Не знаю. Давай переверни.

Я перевернула лист. На обороте, внизу, мелкими буквами, как печатают выходные данные, стояла строка: «Лист вложен в конверт №2». Мы переглянулись. Конверт №2 обнаружился на дне картонного ящика, под слоем оберточной бумаги. Плотный, белый, запечатанный красным сургучом.

Внутри лежали два билета и письмо.

Билеты были настоящие, глянцевые, с золотым тиснением: «Староречинский драматический театр имени Н. Н. Берестова. Премьера. «Двадцать пятая глава». Ряд 1, места 1 и 2». Дата стояла через шесть дней.

Письмо оказалось напечатано на машинке, с ровными полями, с подписью красным карандашом, которой не нужно было объяснений. Я прочла вслух:

«Нина Сергеевна. Вам и вашему мужу. Театр в Староречье поставил по вашей книге пьесу. Автор пьесы я. Роль ва-

шей героини исполняет актриса Вера Ланская, роль вашего мужа — Максим Лисицын. Репетиции идут пятый день, первые два акта готовы, третьего нет. Третий акт должна написать жизнь. Приезжайте, сверьте текст, посмотрите, как вас играют. Остальное увидите на месте. Корректор, который читает свою судьбу, не имеет права на ошибку. Ваш читатель».

— Пьеса, — сказала я.

— Спектакль.

— Он поставил про нас спектакль.

— И третий акт напишет жизнь. — Андрей поставил кружку. — Это значит, там кого-то убьют.

— Или не там.

— Нина, не надо.

— Что не надо?

— Не придумывай, что это пошутил кто-то со вкусом.

Я молчала. На подоконнике Эклер вытянул лапы и принялся умываться с видом человека, который всё уже решил и теперь только ждёт, пока другие дойдут сами.

— Мы едем, — сказала я.

— Я знаю.

— Мне нужно сегодня позвонить в театр.

— Нина. Выспись.

— Андрей, у меня шесть дней.

— У тебя шесть дней и муж. — Он положил руку мне на плечо. — И мы поедем. Но сначала ты поспишь. Три часа.

Потом сборы. Это приказ капитана.

— Ты не капитан моей жизни.

— Ещё какой. — Он улыбнулся. — Мы же женаты.

Я рассмеялась и пошла спать. Но перед этим, не удержавшись, открыла гранки на странице восемнадцать и поставила на полях крохотную галочку: «в тексте допущена неточность». Я заметила её во время чтения, но решила отложить. Автор написал, что при первой встрече на Андрее была «серая куртка». Это была неправда: куртка была чёрная. Я решила, что автор человек внимательный, но не всемогущий, и что одна ошибка на триста восемьдесят страниц делает его почти родным. Тогда я ещё не знала, что ошибки в этой книге бывают нарочные.

Глава 2. Староречье

Староречье оказалось маленьким городом на реке Старице, с одной главной улицей, одной площадью, двумя церквями, мостом с чугунными львами и театром, который выглядел так, будто его забыли здесь после больших гастролей прошлого века. Двухэтажное здание цвета топлёного молока, с белыми колоннами, лепными масками над окнами и афишами в стеклянных рамках, пожелтевшими от солнца. Над входом выгнулись золотые буквы: «ТЕАТР ИМ. Н. Н. БЕРЕСТОВА. 1887».

Мы приехали в сумерках, на машине, которую Андрей взял на прокат. Снег лежал на крышах лёгкой пеной. Из окон

на втором этаже падал тёплый жёлтый свет. На крыльце нас встретила женщина лет пятидесяти пяти, в бежевом костюме с брошью в виде театральной маски, с гладко уложенными пепельными волосами и твёрдой, хорошо поставленной улыбкой.

— Нина Сергеевна! Андрей! — Она протянула обе руки сразу. — Софья Геннадьевна Белова, директор. Мы так вас ждали. Такая честь!

— Мы тоже очень рады, — сказал Андрей.

— А это… — Она посмотрела вниз. На ступеньке, рядом с переноской, сидел Эклер. — Ах, какой красавец. У нас тоже есть кот. Станиславский. Сейчас увидите. Он не любит чужих, но это не страшно: он вообще никого не любит.

Мы вошли. Фойе пахло пылью, мастикой и старым бархатом. По стенам висели фотографии актёров в ролях, а в углу, на тумбе, лежал на подстилке огромный серый кот с чёрными полосками и глазами цвета кислого яблока. Он поднял голову, оглядел Эклера и демонстративно отвернулся.

— Станиславский, — представила Белова. — Верит только в систему.

— Что верит?

— В свою. Он живёт здесь двенадцать лет и никому не позволяет себя трогать. Кроме Анфисы Прохоровны, нашего суфлёра. Это она его выкормила.

— Мой Эклер тоже умный, — сказала я.

— Я не сомневаюсь. Но пока держите его в переноске,

ладно? Станиславский территориален.

Эклер из переноски посмотрел на Станиславского ровным, спокойным, холодным взглядом. Станиславский ответил тем же. Кажется, мы столкнулись с первым в истории театра «Не верю» между котами.

— Пойдёмте, я покажу вам номер. — Белова повела нас вверх по мраморной лестнице. — Мы разместим вас в актёрском крыле. Там гостиница для приезжих артистов, на втором этаже. Чисто, тепло, всё рядом. Если что, сторож внизу.

— Мы будем жить в театре? — переспросил Андрей.

— Да. Так принято. В городе одна гостиница, и та закрыта на ремонт. В театре будет удобнее: репетиции с утра до ночи, и вы на месте.

— Прекрасно, — сказала я. — А когда мы познакомимся с труппой?

— Сейчас. Они как раз собрались на вечерний прогон.

Мы шли по тёмному коридору, который вёл за кулисы. Пахло деревом, краской, чем-то сладковатым, вроде сгоревшего сахара. Где-то далеко кто-то скандировал реплику: «Я не отдам вам эту запятую!» — и мне захотелось засмеяться, потому что я узнала фразу из первой книги, которую я когда-то в запале швырнула директору типографии.

Белова толкнула тяжёлую дверь. Мы вошли в зал.

Это был старый театральный зал с красным бархатом, золочёной лепниной на ярусах, огромной хрустальной люстрой, потемневшей от времени, и сценой, выдвинутой в зал,

как язык. На сцене горели рабочие огни. Там стояли декорации: огромный письменный стол, на котором громоздились стопки бумаг и красных карандашей, окно с настоящими занавесками, дверь без стены и посередине, на возвышении, кресло с высокой спинкой.

На сцене, в этом кресле, сидела женщина.

Она была лет сорока девяти, высокая, тонкая, с тёмными волосами, подстриженными так, как стригусь я, в белой блузке и юбке до колен. На носу у неё сидели очки, как у меня, а в руке она держала красный карандаш. Она сидела так, как сижу я, чуть сгорбившись, подперев голову ладонью, и смотрела в рукопись, лежащую перед ней.

Я замерла.

— Это она? — прошептал Андрей.

— Это я, — сказала я.

Женщина подняла голову. Лицо у неё было удивительное, подвижное, живое, с огромными серыми глазами, сразу поразившими меня тем, что в них не было ни капли сценической манерности. Она положила карандаш, встала и спустилась со сцены в зал по узкой лесенке.

— Нина Сергеевна, — сказала она низким, чуть хрипловатым голосом. — Простите, что вы застали меня за этим. Я Вера Ланская. Я вас играю.

— Я вижу.

— Я смотрела видео ваших интервью. Я читала все ваши книги. Нет, подождите, — она подняла ладонь, — не ваши,

конечно. Книги про вас. Те, что написаны автором, которого никто не знает. Мне кажется, я вас понимаю. Но вы мне должны сказать, правильно ли я держу карандаш.

Она протянула мне карандаш.

Я посмотрела. Она держала его между указательным и средним пальцами, как сигарету.

— Нет, — сказала я. — Корректор держит карандаш, как нож. Вот так. Горизонтально и крепко.

— А, — сказала она. — Вот в чём дело.

— Но у вас очень похоже на сутулость.

— Это я нарочно.

— Прекрасно получилось.

Она улыбнулась, и я поняла, что Вера Ланская — человек, которого невозможно не любить.

К нам подходили остальные. Кирилл Вениаминович Рокотов, главный режиссёр: высокий, сухой, шестидесяти трёх лет, с гривой седых волос, зачёсанных назад, в длинном шарфе, обмотанном вокруг шеи, как у капитана дальнего плавания. Максим Лисицын: молодой красавец с оленьими глазами и безупречной осанкой, исполнитель роли Андрея. Он поклонился мне и пожал руку Андрею с видом человека, который прошёл тест на внешнее сходство и не знает, повезло ему или нет. Тамара Игнатьевна Бойко, полная, румяная, сердечная, с голосом, поставленным на целую оперу, играющая Маргариту Викторовну. Мужчина лет пятидесяти семи, худой, в пенсне, с острым носом и интеллигентной бледно-

стью: Евгений Модестович Пыжов, заведующий литературной частью.

— Это тот, кто ввёл текст в компьютер, — пояснила Белова. — Автор прислал рукопись на флэшке, а Евгений Модестович подготовил для труппы распечатки.

— Я лишь переписчик, — сказал Пыжов тонким, чуть дребезжащим голосом. — Но смею надеяться, аккуратный.

— Мы проверим, — улыбнулась я.

— Буду счастлив.

Он поклонился. Я заметила, что у него дрожит левая рука.

Последней подошла старушка: крошечная, седая, в вязаной шали, с острым подбородком и поразительно ясными, как у ребёнка, голубыми глазами. В руках она держала толстую папку, перевязанную тесёмкой, и прижимала её к груди, как другие прижимают младенца.

— Анфиса Прохоровна Шульц, — сказала Белова. — Наш суфлёр. Сорок два года в будке.

— Рада знакомству.

— Я тоже. — Голос у неё был тихий, певучий. — Вы мне покажете, как правильно читать пьесу? Я, понимаете, читаю слишком по-театральному. Мне говорят: не надо акцентов. А я не могу. У меня привычка: слышать, как реплика будет звучать из зала.

— Я вам, наоборот, не буду мешать, — сказала я. — Это ваша профессия.

— Благодарю вас, милая.

Мы поговорили ещё минут десять, а потом Рокотов хлопнул в ладоши.

— Друзья, дорогие! Репетиция! У нас осталось шесть дней, а мы не продвинулись дальше второго акта! Нина Сергеевна, Андрей, садитесь в первом ряду. Сегодня вы наши зрители.

Мы сели. Я заметила, что место с номером «1» в первом ряду, левое от прохода, занято коробкой: белой, перевязанной красной лентой. На коробке карточка: «Резерв. Для автора».

— Это что? — спросила я у Рокотова.

— Для автора. Он просил оставить место на все репетиции. Платит за всю постановку. Деньги, надо сказать, очень приличные. Если бы не он, мы бы закрылись.

— Он сам приходит?

— Никогда. Но мы всегда оставляем. На всякий случай.

Эклер в переноске, стоявшей у меня на коленях, повернул голову к белой коробке и тихо, едва слышно, фыркнул.

Глава 3. Читка

— Это чудовищно, — сказала я вечером, когда мы сидели с Андреем в номере и разбирали розданные нам распечатки пьесы. — Это просто чудовищно, как хорошо она меня играет.

— Ланская?

— Да. Я смотрела и думала: она знает про меня больше,

чем я сама. Как она держит голову. Как поправляет очки. Как отводит взгляд, когда ей неловко. Откуда?

— Из книги.

— Из какой книги? Про это там ни слова.

— Значит, она наблюдательная.

— Значит, она талантливая. — Я вздохнула. — И это меня пугает.

Андрей сидел на кровати с пьесой на коленях и шевелил губами, читая свои реплики, которые читал за него Лисицын.

— Нина, послушай. «Капитан Громов, прислонившись к дверному косяку, произносит: «Я не люблю театр. В нём все врут». Я такого никогда не говорил.

— Вы не говорили. Но могли бы.

— Нет. Я люблю театр.

— Серьёзно?

— Мама водила меня в детстве. На «Щелкунчика». Я до сих пор помню запах пирожных в буфете.

— Андрей. — Я растрогалась. — Я об этом не знала.

— Теперь знаешь. — Он улыбнулся. — Но Лисицын этого не знает. И, кстати, он играет меня слишком красиво.

— Это от нервов.

— Он смотрит на тебя, как будто ты его добыча.

— Он смотрит на Ланскую. Мы с ним ещё не говорили.

— Всё равно.

Эклер, вернувшийся к нам после первого вечернего обхода театра, лёг на подушку и скромно поджал лапы. На шер-

сти у него блестели крохотные снежинки пыли, а один ус был подпалён. Я присмотрелась.

— Ты где был?

Эклер зевнул.

— Ты познакомился со Станиславским?

Кот отвернулся.

— Не говори, — сказал Андрей. — Он не расскажет.

На следующий день началась читка. Нас с Андреем посадили за длинный стол в репетиционном зале, где собралась вся труппа. Рокотов обошёл стол, расставил актёров по местам, как фигуры на шахматной доске, и сказал:

— Нина Сергеевна, вы наш главный корректор. Мы просим вас читать пьесу и записывать любые несоответствия, ошибки, шероховатости. Особенно в ремарках. Автор, как мы выяснили, очень аккуратен. Но он не нашёл своего корректора. Теперь нашёл.

— Постараюсь.

— Начинаем. Первый акт.

Они читали по ролям. Я слушала, и у меня то и дело перехватывало дыхание. Пьеса была написана умно, остроумно и очень безжалостно. В первом акте героиня-корректор приезжала в типографию, где нашли труп, и в первых же репликах с ходу находила «лишнюю запятую» в предсмертной записке убитого. Во втором акте за героиней начинал охотиться таинственный Читатель, который оставлял на её столе красные записки и в финале говорил по телефону:

«ЧИТАТЕЛЬ (голос в трубке). Нина Сергеевна, спасибо. Вы прочли страницу. Теперь прочтите следующую».

Занавес. Конец второго акта. Дальше ничего.

— А третий? — спросила я.

— Не написан, — сказал Рокотов. — Автор в письме объяснил: «Третий акт напишет сама героиня». Я не очень понимаю, что это значит. Мы репетируем только два. Но в программке написано: «Двадцать пятая глава», и мы выйдем на сцену с двумя актами и антрактом, который, видимо, будет прерван неизвестным.

— Прерван?

— Мы не знаем. Об этом в контракте ничего нет.

— Контракт у вас есть?

— У Софьи Геннадьевны.

Я посмотрела на Белову. Она сидела в конце стола, с блокнотом, на лице вежливая, лёгкая улыбка.

— Контракт стандартный, — сказала она. — Заказчик оплачивает постановку, мы обязуемся сыграть премьеру через шесть дней. Если премьера не состоится, мы возвращаем деньги. В полном объёме. Так что у нас нет права отступить.

— Сумма?

— Приличная.

— Софья Геннадьевна, — осторожно спросила я. — Если позволите, я хотела бы взглянуть на договор.

— Конечно. После читки.

Читка закончилась к обеду. Я не столько слушала, сколь-

ко делала пометки: «ремарка не согласована», «в тексте две ссылки на одну и ту же цитату», «имя героини в третьей сцене пишется с большой буквы, а в пятой с маленькой». Одну мелочь я отметила особо: в финале второго акта стояла ремарка:

«(Нина уходит вправо. Свет гаснет. Люк остаётся закрытым. Тишина. Три удара. Из люка медленно поднимается Призрак Читателя.)»

Люк остаётся закрытым, а из люка поднимается Призрак?

— Это противоречие, — сказала я вслух.

— Где? — спросил Рокотов.

— Вот. «Люк остаётся закрытым», и через две строки «из люка поднимается Призрак». Если люк закрыт, откуда Призрак?

Рокотов нахмурился, заглянул в свой экземпляр, потом в распечатку Пыжова и вдруг густо покраснел.

— Это я, — сказал он. — Простите. Это моя вина.

— Ваша?

— В первый же день я перепечатал для себя последнюю страницу второго акта. Мне хотелось эффектнее: чтобы Призрак вышел не из бокового люка, где его никто не заметит, а из главного, посередине сцены. Я исправил ремарку. Решил, что автору всё равно. Распечатал на принтере у Софьи Геннадьевны, потому что мой сломан. И никому не сказал.

— Кирилл Вениаминович, — сказала я. — Без согласия автора нельзя.

— Я знаю. Но я режиссёр.
— Это не отменяет запятых.
Труппа тихо засмеялась. Рокотов поднял ладони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.